

СЫН ОТЕЧЕСТВА ИЛИ ПИНКЕРТОНА?

Взгл. клуб - 1998 - 15 окт. - с. 5.
70-летие Евгения Светланова. Большой театр

Евгений Светланов с 1965 года - художественный руководитель и дирижер главного оркестра страны — Государственного симфонического. А будет ли работать в Большом? «Мы только что ударили по рукам с Васильевым», — сообщил Светланов, не вдаваясь в подробности. С Большим театром жизнь Светланова связана с... трехлетнего возраста.

Фото Виктора АКИМОВА

— Помните, у мадам Баттерфляй родился сын от Пинкертона. И вот я его во втором действии изображал; там, где Чио-чио-сан красится и наряжается, готовясь к встрече американского корабля, я тоже пудрился, красился... На роль меня назначили по благу — в Большом театре работали мои родители. Вообще детей артистов здесь часто занимали. В довоенном «Тихом Доне» Держинского мальчиков наряжали в казачью форму. Мне полагалось сидеть вдали на заборе, и я так старался, что в конце концов свалился. Два года я выступал в мимансе в любых ролях, сам гримировался, научился танцевать полонез, покушался даже на мазурку, но, увы, не получилось... А в военные годы принял решение пойти учиться на музыканта. (Светланов закончил Московскую консерваторию как композитор, дирижер и пианист. — Н. З.)

— Евгений Федорович, вы теперь в основном выступаете за рубежом...

— С 1965 года я неизменно давал пять абонементных концертов. Плюс еще были выступления на съездах композиторов, смотрях новых сочинений, юбилейные и по разным другим случаям. Теперь нет. Я снял свое имя с абонемента, передал его другим дирижерам, но пять абонементных программ в год оркестр готовит. Я делаю огромное количество записей — это то, что после тебя остается. Как это у нас в «Руслане» поется: «А недолог путь на земле певца...» Плюс рассказы, переходящие либо в легенды, либо в анекдоты. Да, я имел неосторожность взвалить на себя шефство над Голландским оркестром, 22 года меня связывает дружба с оркестром Шведского радио. Мне жаль отказываться от их предложений. Меня зовут во Францию, Англию, Японию. Может быть, я делаю ошибку. Но так уж у меня получилось. Парижский оркестр радио и филармонии подготовил абонемент из 4 программ в мою честь. 17 сентября одна уже прошла. Я ведь с ними уже 35 лет работаю!

— Не так давно вы дали в БЗК концерт «Шедевры уходящего века» с участием Градского и Долиной. Вы так забавляетесь?

— Я вообще не понимаю, как можно забавляться в искусстве. Оно же забирает ум, калории, сердце. Нет, мне просто любо и дорого расширять амплитуду деятельности.

— Самые дорогие для вас в жизни встречи? Мечты?

— Еще в молодости я тесно сотрудничал с великими музыкантами, оказавшими мне доверие. А неосуществленные мечты — это вообще то, что держит меня на этом свете. Не создан я для пенсии. Видно, суждено мне до конца трубить и заниматься самосоже-

нием. Я не создал еще свое лучшее сочинение как композитор. Бог все-таки дал мне и этот дар, а я его не до конца использовал. Я считаю это грехом. И буду искупать его до последнего дыхания. А губит меня дирижерская жадность — у меня на столе такие партитуры!

— Чем остался для вас XX век? Какими именами?

— О-о, к ответу на такой вопрос надо специально готовиться. Так сразу я больше половины имен не вспомню. И все-таки. Первое: XX век унес больше всего жизней за всю историю человечества. Второе: в то же время он как ни один другой век не подвергался таким чудовищным катаклизмам в области культуры и искусства. Третье: я застал расцвет нашего искусства во всех областях. Как ни парадоксально, этому способствовал железный занавес: все артисты все отдавали своей стране. Увы, зато они остались недооценены в мировом масштабе... Я чувствую себя человеком переходного периода. Я без конца учился. Я не могу все принять сейчас, в том числе и в политике. Может быть, я запрограммирован консерватизмом, но не ортодоксальным. Я верю, что за спалом будет подъем. Мы не увидим, но я верю.

...Присутствовавший на пресс-конференции главный редактор «Независимой газеты» Виталий Третьяков (газета выступила спонсором юбилейного концерта в Большом театре) выступить отказался, скромно, однако, заметив: «Я счастлив, что Евгений Федорович не побрезговал нашей помощью». Умеет сказать человек. К тому же «Независимая», может, поправит наконец свои отношения с Большим театром: она критикует Большой систематически, долго и больно и по возможности ногами. Как бы там ни было, даже в сегодняшнее злостно-безденежное время вечер Маэстро в Большом удался. Зрители Российского канала ТВ, конечно, удосужились поглядеть хоть пару эпизодов.

Понятно, что огромного, комичного Владимира Маторина (царь Дадон) и крошечную с ним рядом Елену Брылеву (Шамаханская царица) в «Золотом петушке» выгоднее смотреть по телевизору — пара была колоритнейшая. Оба пели шикарно, играли — выше похвал, и все вместе даже было похоже на настоящий театр. Но если в этом, первом отделении участие оперного дирижера все-таки скрывала Евгения Федоровича, то во втором, уже с собственным оркестром, он предстал действительно великим музыкантом.

Вторую симфонию Рахманинова ГАСО сыграл так, как, вообще-то, за длительный отсутствием Евгения Федоровича в России давно уже не играет. В третьей части ду-

ховые были идеальны; а знаменитый светлановский гобоист Анатолий Любимов (по ТВ его крупно не показывали) просто душу вынул. Осталось поблагодарить Рахманинова, что в этой части он не злоупотребил многократным повторением красивой секвенции, которую моя соседка и без того напевала до конца вечера, мешая слушать официальные поздравления.

Кстати, об официальном. В сентябре, к 70-летию Светланова, президент всего лишь выразил ему благодарность. Это было совершенно возмутительно на фоне раздачи ордена «За заслуги перед Отечеством» людям, гораздо менее достойным. Закралась мысль: может, Светланова так наказали за преимущественное пребывание за границей? К счастью, до кого-то из часто сменяемых членов правительства дошло, что Светланов даже бы если и десять лет как эмигрировал — а все одно национальное достояние. И новый вице-премьер Валентина Матвиенко, стуча каблучками (в связи с чем удостоилась сравнения с Фурцевой), появилась на сцене Большого театра с Указом о награждении дирижера этим самым орденом II степени (хоть бы не объявляли их, позорные эти степени!).

Из того, что, конечно, не углядел телезритель, Евгений Федорович, как всегда, дирижировал, установив перед собой маленький красный вентилятор, отечественный, 20-летней давности. Сидя совершенно сбоку, практически на сцене, я обнаружила, что хором в массовых сценах дирижируют фонариком из-за кулис. И третье: в Большом работает суфлер, и еще как классно работает!

Что же касается концепции вечера, то, на мой взгляд, она все-таки проступала. Так, прозвучавшая вначале «Сеча при Керженце» очень подхлестывала ура-патристические чувства; думаю, тов. Зюганов, сидевший в первых рядах, жалел, что в руках у него нет знамени, а то бы помахал. И Говорухин бы помог. Хорошо, что после «Сечи» Светланов подал знак не аплодировать — а то, глядишь, началась бы патриотическая истерика.

А тормозного царя Дадона из второго действия «Золотого петушка» при известной степени испорченности можно было счесть намеком на Ельцина (вот цитаты: «Что-то в печени неловко», «Ведь я не стар... Не морщины то? — Загар!», «Все найдется для дружка, ничего жалеть не стану»). А обладая еще большей степенью испорченности, можно было увидеть в Шамаханской царице, соблазнительнице высокого должностного лица, неизвестную Монику. Только надоели все хуже блендомета.

Но говорил же Евгений Федорович на той пресс-конференции, что все в этом мире не случайно, и даже уверял, что придерживается метафизических воззрений (что действительно известно о нем в качестве не то легенды, не то анекдота). Правда, выбор второго действия «Петушка» он объяснил тем, что «Римский-Корсаков достиг здесь откровений, от которых оттолкнулось целое поколение композиторов, начиная Стравинским». А закончился вечер музыкой Глазунова из затертой «Раймонды», балета «с апофеозом». И одна долгожительница Большого театра сказала: «И-и, при Сталине эту музыку по праздникам играли — очень настроение понимает». Это к вопросу о хитросплетениях случайностей и неслучайностей. Из которых что-то попадет в легенду, а что-то, несомненно, в анекдот.

Наталья ЗИМЯНИНА

На снимке: Светланов на пресс-конференции. Через пару дней «фермерскую» фланелевую рубашку он сменит на белый смокинг с пижонским красным (в тон вентилятору) платочком в кармане.